

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-20-25
УДК 94(47)084.2

Дата поступления статьи: 20/X/2018
Дата принятия статьи: 25/XI/2018

З.М. Кобозева

«ЖЕСТОКИЕ РОМАНСЫ»: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В МЕЩАНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКИХ ГОРОДОВ

© Кобозева Зоя Михайловна – доктор исторических наук, профессор исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: zoia_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проблема истории чувств самого большого городского сословия в Российской империи – мещанства. События повседневной жизни мещан русских городов изучаются, исходя из достижений одной из наиболее быстро растущих областей в современной исторической науке – «истории эмоций». Диалоги мещан с властью по разным поводам их повседневной жизни были пронизаны эмоциями. Можно изучать жизнь людей по сухо зафиксированным в различных источниках фактам – а можно в контексте их эмоционального переживания жизни. Сословный статус и вытекающие из этого обязанности, обстоятельства могли вызывать и коллективные эмоции, например эмоцию горевания из-за рекрутской повинности, из-за необходимости уплаты податей, из-за паспортной зависимости от местной власти и т. д. Степень остроты эмоциональной сферы мещанской жизни может быть сфокусирована в культурном знаке «жестокое романса» («мещанского романса»). В любом случае данная статья – первый опыт в историографии анализа коллективной сословной эмоции мещанства, сосредоточенной на основных моментах мещанской повседневной жизни – в рамках данной статьи в основном рекрутской повинности. Рекрут оказывался потерянным для социума. Поэтому проводы рекрута – это плач, как по покойнику. Легитимное в массе своей мещанство, как правило, могло избежать рекрутства с помощью «охотников» или семейных разделов, то есть пассивное принятие неизбежного – еще одно общее сословное эмоциональное состояние. Изучение сословных эмоций позволяет выявить менталитет сословия и сопоставить с тем образом мещанства, который создала русская художественная литература и обличающая его интеллигенция.

Ключевые слова: мещанское сословие, история эмоций, мир чувств, рефлексия, жестокий романс, рекрутская повинность, паспорт, подати, окладные сборы, городская дума, общественные службы, мещанское общество.

Цитирование. Кобозева З.М. «Жестокие романсы»: эмоциональные практики в мещанской повседневности русских городов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 20–25. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-20-25>.

Благодарности. Грант РФФИ 16-01-00136.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-20-25
UDC 94(47)084.2Submitted: 20/X/2018
Accepted: 25/XI/2018

Z.M. Kobozeva

**«VIOLENT ROMANCES»: EMOTIONAL PRACTICES
IN PETTY BOURGEOIS EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN CITIES**

© Kobozeva Zoya Mikhailovna – Doctor of Historical Sciences, professor of the Faculty of History, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

ABSTRACT

The article analyzes the problem of the history of feelings of the largest urban class in the Russian Empire, bourgeoisie. The events of everyday life of the townspeople of Russian cities are studied on the basis of achievements of one of the fastest growing areas in modern historical science – «history of emotions». Dialogues of burghers with the power on various occasions of their daily life were permeated with emotions. You can study the lives of people on dry recorded in various sources of facts. And you can study people's lives in the context of their emotional experiences of life. Class status and the ensuing obligations, circumstances could cause collective emotions, for example, the emotion of grief because of the recruitment duty, or because of the need to pay taxes, because of passport dependence on local authorities, etc. The degree of severity of emotional sphere of petty-bourgeois life can be focused in the cultural sign of «cruel romance» («petty-bourgeois romance»). In any case, this article is the first experience in the historiography of analysis of the collective class emotion of bourgeoisie, focused on the main points of bourgeois everyday life – in the framework of this article, mainly recruitment. Recruit was lost to society. So parting with recruit is similar to crying about a dead man. Legitimate, for the most part, petty-bourgeois, as a rule, could avoid recruitment with the help of «volunteers» or family belongings' separating. That is, passive acceptance of the inevitable is another general emotional state. The study of the class of emotions allows you to identify the mentality of society and compare with the image of the petty-bourgeois, which was created by Russian artistic literature and being denounced by intelligentsia.

Key words: bourgeois class, history of emotions, world of the senses, reflection, cruel romance, conscription, passport, taxes, accountant fees, city Council, public services, petty-bourgeois society.

Citation. Kobozeva Z.M. «Zhestokie romansy»: *emotsional'nye praktiki v meshchanskoi povsednevnosti russkikh gorodov* [«Violent romances»: emotional practices in petty bourgeois everyday life of Russian cities]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 4, pp. 20–25. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-20-25>.

Acknowledgements. Grant of the Russian Foundation for Basic Research 16-01-00136.

Миндалина – всего лишь овальная тень размером с изюмину, плавно переходящая в более светлое окружающее мозговое вещество. Я сразу подумал: ее, наверное, и извлечь-то не получится – это не обычный орган вроде печени или селезенки, которые можно вынуть из пластиковой анатомической модели и потом вставить обратно. Мне миндалину показывали на сечении мозга, похожем на нарезанный тонкими ломтиками кочан цветной капусты.

Ян Плампер

Введение

Ян Плампер начинает свое Введение к книге «История эмоций» с описания того, как две студентки препарируют тело человека. Как постепенно они углубляются в недра мозга. И делает вывод: «...ведь то, как эти студентки добираются до областей, лежащих глубже коры, которая отвечает за когнитивные функции мозга, очень похоже на

то, как продвигаюсь в своем историческом исследовании я сам» [Плампер 2018. с. 6]. Постепенно в историческую науку пришло осознание важности изучения эмоциональной сферы жизни людей прошлого. Их сложная рефлексия не всегда объяснима рациональными доводами кабинетного мыслителя-историка. Но тем не менее из исторического контекста не может быть исключена та часть жизни человека, которая наполнена страхами, любовью, отчаянием, тоской, безнадежностью, радостью, счастьем. Другое дело, что вся эта сфера человеческой субъективности по-прежнему вызывает у многих собратьев «по цеху», историков, негативистские суждения, что все это «не настоящая» история. Настоящая или не настоящая – это уже исследовательская мастерская тех, кто занимается «интеллектуальной историей» – историографией. Но, по моему глубокому убеждению, из аналитических конструкций историка, занимающегося, как я, социальной историей самого большого сословия

русских городов, мещанства, не может быть исключен сюжет о коллективных эмоциях, вызванных общностью прав и обязанностей этих людей, проистекающих из сословного статуса.

Коллективные эмоции

Несмотря на то что самоидентификация подвижна и подвержена изменениям, особенно если рассматривать самоидентификацию мещан на протяжении всего пореформенного периода, она напрямую в социальном плане зависит от тех обязанностей, которые налагались на мещан их сословным статусом: налоги-подати, рекрутская повинность, паспортная привязанность к месту проживания и т. д. Все эти ключевые сословные маркеры чрезвычайно эмоциональны для человека, вызывают сильную психологическую реакцию. Это сродни тому, когда нам очень хочется войти в дверь, но у нас нет ключа от этой двери. Или нам хочется нырнуть в теплое море, но по берегу этого моря проведены ограждения: частная собственность. Так и в сословной жизни. Существовало значительное количество имплицитных границ, пересечь которые в своей повседневной жизни человек не мог. И приспособлялся жить внутри очерченного социального пространства. Но человек — есть человек. И эмоции, связанные с этими «ограждениями», «стенами», «заборами», наполняли его жизнь. Однажды я прочитала роман одного иностранного автора. Роман был о том, что в маленьком городке случилось наводнение. Герой романа просыпается утром и видит, что все дома — в воде. У него оказалась лодка. Он забирается в эту лодку и плывет спасать тех, кого еще можно спасти. И вот у одного затопленного дома погибают, тонут две собаки. Герой зовет их в свою лодку, чтобы спасти. Собаки, следуя инстинкту самосохранения, бросаются плыть. Но не могут пересечь невидимую черту в воде и возвращаются на свой «пятачок» гибнуть. Кто-то объясняет главному герою, что еще с рождения, с щенячьего периода, этих собак приучали сторожить дом, вместо цепи установив линию удара током. И у них выработался стойкий рефлекс: за черту нельзя. В российской повседневной жизни, которая была наполнена разграничительными сословными границами, также вошло в привычку жить «по правилам», по сословным правам и обязанностям. Эти границы, конечно, можно было где-то нарушить, где-то обойти, где-то подняться над и перешагнуть в другое сословное пространство. Но для большинства людей, образующих то или иное сословие, жить по правилам являлось повседневной практикой.

Отдать последние деньги, жить под бременем недоимок, выполнять повинности, отдавать детей, последних кормильцев, в армию, оказаться на грани легитимного и нелегитимного существования из-за отсутствия паспорта, быть аутсайдером в обществе, исповедуя не православную веру, подвергаться из-за этого бесконечным увещаниям, отвлекающим от зарабатывания хлеба насущного.

Как правило, в историографии так называемый эмоциональный (или сентиментальный) подход применяется к изучению частной, семейной сферы жизни человека. Но исследование повседневной жизни мещанского сословия показало, что самые сильные групповые эмоции оказываются вызванными именно сословным статусом со всеми вытекающими последствиями. Несмотря на то что «готовность гуманитариев обращаться к естественным наукам за теоретическим вдохновением в последнее время очень выросла» [Российская империя чувств... 2010, с. 31], применительно к такому направлению, как история эмоций, остается достаточно много сложностей для грамотного вписывания «чувств» в контекст исторического исследования. Поэтому методологической опорой для такого рода исследований послужили два сборника трудов: «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций» и «Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени» [Человек в мире чувств... 2000]. Для исследования коллективных эмоций мещан необходимо было обратиться к специальным трудам по психологии эмоций. В этом отношении следует отметить статьи В.К. Вилюнаса о психологической теории эмоций, Н. Грота о психологии чувствований, У. Джемса о понятии эмоции, Ф. Крюгера об эмоциональных переживаниях и т. д. [Психология эмоций 1993]. Взаимосвязь эмоций с текстами поведенческой прослежена в исследовании Ж. Годфруа «Что такое психология» [Годфруа 1992]. В работе А.Г. Маслоу «Мотивация и личность» важным для понимания повседневных практик мещан по взаимодействию с властью выступает тезис, высказанный ученым: «Если человеку неоднократно приходилось сталкиваться с одной и той же проблемой, то у него была возможность до тонкостей отработать механизм ее решения. Механизм вычищен, смазан и всегда под рукой. Иначе говоря, человеку проще действовать привычными методами, использовать отработанные навыки» [Маслоу 1999, с. 300]. Размышления К.Г. Юнга о массовой душе и массовом человеке, а также работы представителей современной аналитической психологии, таких как, к примеру, В. Одайник, позволяют понять, почему в мещанской среде не были распространены разрушительные политические течения. Вместе с тем существование в группе «подстрекает ее членов к взаимному подражанию и взаимной зависимости, и чем больше группа, тем сильнее этот позыв» [Аналитическая психология 1995, с. 251]. В границах данной статьи я остановлюсь на эмоциональной стороне рекрутской повинности.

«Рекрутчина» как наиболее сильная эмоция мещанской сословной повседневности

Как это ни покажется странным, мещанскими эмоциями пронизано все сословное делопроизводство: фонды мещанской управы (мещанских старост) и городской думы. Если рассматривать дела

фонда Самарской городской думы, то период 50–60-х гг. XIX в. выделяется преобладанием вопросов, связанных с рекрутской повинностью (несмотря на то что из 1855 дел шестой описи фонда № 170, 139 посвящены рекрутам, эти дела хронологически сосредоточены именно в 50–60-е гг. XIX в.) (ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6 (подсчитано по описи). Это вполне объяснимо, так как Указом 1874 г. мещанство было освобождено от рекрутчины [Иванова, Желтова 2010, с. 466]. Освобождение от рекрутской повинности началось у мещан с лиц, служивших по выборам городских и сословных обществ (указы 11 января 1834 г. и 9 января 1842 г.) (ПСЗ-II. Т. 9. Отд. 1. № 6712; Т. 17. Отд. 1 № 15206) Правилами от 25 ноября 1853 г. вместо очередного был установлен жеребьевый порядок назначения в рекруты в городах, посадах и местечках, подтвержденный в 1855 г. (ПСЗ-II. Т. 28. Отд. 1. № 27727. Ст. 1; Т. 30. Отд. 1. № 29767, 29947). Указом от 11 марта 1857 г. были освобождены от призыва к рекрутской жеребьевке единственные пасынки мещан и ремесленников, предоставлены некоторые льготы мещанам и цеховым, и разрешено состоящим на рекрутской очереди или под жребием мещанам перечисляться в купечество (ПСЗ-II. Т. 32. Отд. 1. № 31583; 31584; Т. 35. Отд. 1. № 35951). Указ 1872 г. предусматривал наложение в административном порядке взыскания на членов городских управ за неправильное привлечение мещан к рекрутству (ПСЗ-II. Т. 47. Отд. 2. № 51650). И наконец, указом 1874 г. мещанство стало отбывать всеобщую воинскую повинность наравне с другими сословиями. Но, несмотря на оптимистичный тезис современной историографии, что происходило «постепенное облегчение рекрутчины» [Иванова, Желтова 2010, с. 465], отдача в солдаты детей была самым тяжелым испытанием для мещанских семей.

Неся на себе до самого конца рекрутской повинности, наравне с крестьянами, всю ее тяжесть [Рыдзюнский 1958, с. 44] и учитывая общинный характер данной повинности [Иванов 2006, с. 5], практики выживания мещан как беднейшего сословия городов были напрямую связаны с числом работников в семье, и покидавший дом практически на всю жизнь (средняя трудовая) рекрут в обрядовых действиях и повседневности приравнивался к покойнику [Кормина 2000]. Через ритуал рекрутской обрядности (гуляния, связанные с приемом на службу: жеребьевкой, измерением, забриванием, присягой, проводами) семантически рекрутство ощущалось как уход из социума и репрезентировалось в терминах похоронно-поминальной обрядности [Кормина 2000, с. 1]. Таким образом, рекрутство было «страшной сказкой» в мещанской традиционной культуре, ситуацией, задаваемой извне и зачастую используемой родителями для подчинения непокорных сыновей (значительное количество дел содержат просьбы родителей отдать в рекруты своих сыновей за неподчинение родительской воле или за отсутствие уважения к роди-

телям). В «хороших» семьях родители пытались придумать различные способы спасения своих детей от службы: переписывание семейных списков через раздел семей, справки от врачей, членовредительство, наем «охотников» и т. д.

Обыденное сознание мещанства середины XIX века было пронизано неизбежностью государственного тягла. Принимая и осознавая свое место в системе социальной иерархии, мещане города выработали свои модели поведения, позволявшие им жить в «повседневности», а не «в катастрофе» от пожаров, эпидемий, болезней, податей, разорений и рекрутских наборов. «Культурная традиция» мещанского «социального универсума» обладала глубинной программой смиренномудрия обывателя, позволяющей защитить себя от «неприемлемых структурных изменений, передать свои познания, опыт и идеалы от поколения к поколению» [Репина 2009, с. 41]. Наряду с тем, что власть выступает формализующим началом, многое, что она несет для человека, является эмоционально переживаемым событием.

За более чем вековую историю рекрутской повинности сформировалось как минимум несколько сильных коллективных эмоций, связанных с данным явлением: страх, скорбь, гнев, любовь. Тема рекрутчины – это тема плача. Плач преобладает в рекрутских песнях и знаменует собой прощание рекрута с социумом. Если так называемая элитарная культура России пронизана интеллектуальной рефлексией, в которой не плач, а игра в плач, не мистицизм народной религиозности, а игра в нее [Эткинд 1998], то «низовая культура» – надрывна [Кофман 1986. с. 220–233] и бесхитростна. В последней трети XIX в. рекрутские песни создавались в жанре так называемого мещанского романса [Краткая литературная энциклопедия 1971]. О мещанском романсе, замершем на полпути между фольклором и литературой [Кофман 1986], написано так же мало, как и о мещанской рекрутской повинности в историографии и фольклористике. Рекрутские наборы были событием горестным, в эти дни «государство покрывалось траурной завесой, все встревожено, все стонет, все ропшет, врата угнетений и всяких злоупотреблений открыты» [Корнилов 2003, с. 2–12].

Рекрут – это человек, распрощавшийся с мирной жизнью. Письма солдат домой – это еще один вид эмоциональных источников мещанского делопроизводства, сохранившегося в архивах. Это, как правило, письма мещан с фронта, не нашедшие адресатов, и даже боевые награды, так и не догнанные после войны своих хозяев, а потому бережно сохраненные в управе. В Самарском государственном архиве хранится заклеенное посередине письмо из армии. Заклеили его, по всей вероятности, посчитав более важным свидетельство, выданное жене отставного рядового Петра Гаврилова Цыцарева, написанное на оборотной стороне письма. Из свидетельства мы узнаем, что причисленный в самарские мещане отставной рядовой умер в 1885 г.

в возрасте 44 лет (ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 392. Л. 378). Из того, что удалось прочитать, становится ясно, что письмо адресовалось теще рядового. Видна приписка: «Любезный мой кум / прошу я вас передать эту записку моей теще Дарье Андреевне Сырынкиной / Петр Гаврилович Цыцарев» (ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 392. Л. 378). Своей теще Петр рассказывал, что с ним вместе служат еще 7 его земляков, а двое – в третьей роте по другим батальонам. Какую-то записку он просит передать куме «как возможно быстрее». «Затем еще прошу я вас мамаша в том если вы продали одежду то сберегите деньги у себя пришлите нам хоть ответ уведите нас об вашем здравии как вы живы здоровы я посылаю вам четвертое извещение а вы нам не пришлете мы живы и здоровы чего и вам желаем Адрест город Лхабат закаспийскую область в 4-й стрелковый батальон в... роту Петру» (ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 392. Л. 378). Вторая половина письма, которую можно было рассмотреть, полна «поклонами», то есть Петр «всем кланяется», «куманечкам» и «кумушкам», и прочитываются еще два слова: «Любовь» и «Бог» (ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 392. Л. 378) (Письмо нами обнаружено непрономерованное и отдано на реставрацию).

В целом при изучении мещанского делопроизводства, связанного с войной, возникает стойкое ощущение не столько «державности» сознания мещанства, о котором пишет В.М. Бухараев, сколько «тягловой» психологии сословия, адаптировавшегося к роли основного, после крестьянства, поставщика солдат для империи. Смысл бытия беднейшей части этого сообщества заключался в выживании. Процесс выживания вовсе не обязательно был связан с доминированием эмоций обреченности. Но на все, включая войну, мещанин смотрел по-деловому: раз неизбежно, следовательно, нужно приспособиться. 20 марта 1909 г. в Самарское уездное полицейское управление поступило письмо от временного командующего 3-го Восточно-Сибирского саперного батальона из с. Спасское Приморской области с прилагаемой к нему светло-бронзовой медалью в память о Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Александровско-Георгиевской лентой к ней для уволенного в запас по окончании срока службы унтер-офицера Ивана Бородачева из мещан г. Самары (ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 393. Л. 316). 20 апреля 1909 г. Самарское полицейское управление обратилось в адресный стол с просьбой найти мещанина Бородачева. Но в адресном столе не оказалось его места жительства. От воинского начальника Самарской губернии пришло сообщение, что Бородачев происходит из мещан г. Самары. За «нерозыском» медаль с ленточкой были переданы представителю части 3 г. Самары. В июне 1909 г. околоточный надзиратель также ничего не смог узнать о Бородачеве. Тогда добросовестные чиновники передали ценную посылку в мещанскую управу г. Самары (ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 393. Л. 314–320), в которой она, аккуратно вклеенная в дело, пролежала до 3 мая 2012 года, никем не обнаруженная.

Заключение

Таким образом, исследование позволило выявить некоторые общие для сословия «болевы точки», связанные с ситуациями, когда жизнь человека законами сословного существования корежилась и видоизменялась. Человек вырывался из привычного круга повседневности, стабильность исчезала, эмоции захлестывали. И в этой связи самой тяжелой для мещан выступала рекрутская повинность. Сословная рефлексия, связанная с отношением к рекрутам, зафиксирована в основном в фондах дум и мещанских управ. Особенно применительно к периоду до реформы 1874 г., введшей всеобщую воинскую повинность. Мещане составляли городскую бедноту. Лишиться мужчины в семье означало для одних ухудшение экономического положения, для других – полную нищету и безнадежность. Поэтому рекрутчина приравнивалась к смерти для социума и была связана с негативными коллективными эмоциями. Мещане вырабатывали различные способы уклонения от воинской повинности. Самыми действенными были легитимный наем «охотников» и покупка рекрутских квитанций. Также при жеребьевом порядке мещане стали прибегать к практикам фиктивного раздела семейств. Но в этом случае мещанские сословные власти проводили тщательное расследование. Попытки объяснить личные тяжелые обстоятельства жизни иногда приводили к положительным результатам. Так как рекрутчина продолжала оставаться общинной повинностью, управа проводила свое дознание и, если положение действительно в семье оказывалось безвыходным, освобождала очередника от службы. Попытки симуляции тех или иных недугов, как правило, разоблачались врачебными комиссиями.

Помимо эмоций, связанных с рекрутчиной, «болевыми точками» мещанской эмоциональной повседневности выступали подати, сборы, необходимость получать для передвижения по стране срочный паспорт и т. д. Но не случайно в русской речи бытует выражение, позаимствованное из названия романа Н. Помяловского «Мещанское счастье». Мещанское счастье понимается как царство сна, непротивления и покоя, вызванное сословными предрассудками и сословной покорностью. Несмотря на тенденцию русской литературы эпохи реализма создавать «учение о типах», подкреплять эти социальные типы литературными характеристиками, изучение эмоционального фона мещанской сословной жизни во многом подтверждает дискурс «мещанского счастья». Эмоции ощущаются. Но все покрывает общее настроение: жить по закону. В соответствии с теми правами и обязанностями, которые налагал на людей сословный статус. Покорное закону, но эмоциональное повседневное существование: «Извела меня кручина / Подколодная змея, / Догорай, гори, моя лучина, / Догорю с тобой и я».

Источники фактического материала

Полное собрание законов Российской империи – ПСЗ-II.

Центральный государственный архив Самарской области – ЦГАСО.

Библиографический список

Аналитическая психология 1995 – *Аналитическая психология. Прошлое и настоящее*. М., 1995. С. 251.

Годфруа 1992 – *Годфруа Ж.* Что такое психология: в 2 т. Т. 1. М., 1992.

Иванов 2006 – *Иванов Ф.Н.* Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006.

Иванова, Желтова 2010 – *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи. М., 2010. 465 с.

Кормина 2000 – *Кормина Ж.В.* Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX – XX вв.): дис. ... канд. культуролог. наук. М., 2000.

Корнилов 2003 – *Корнилов В.А.* Эволюция военной службы в России XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществоведения в школе. 2003. № 7. С. 2–12.

Кофман 1986 – *Кофман А.Ф.* Аргентинское танго и русский мещанский романс // Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 220–233.

Краткая литературная энциклопедия 1971 – *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 6. М., 1971.

Маслоу 1999 – *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб., 1999. 300 с.

Плампер 2018 – *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018.

Психология эмоций 1993 – *Психология эмоций: тексты*. 2-е изд. М., 1993.

Репина 2009 – *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009.

Российская империя чувств... 2010 – *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций*. М., 2010.

Рыдзюнский 1958 – *Рыдзюнский П.Г.* Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958. С. 44.

Человек в мире чувств... 2000 – *Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени*. М., 2000.

Эткинд 1998 – *Эткинд А.* Хлыст. М., 1998.

Godfrua Zh. – *Godefroid Jo.* Chto takoe psikhologiya: v 2 t. T. 1 [What is psychology. In 2 Vols. Vol. 1]. М., 1992 [in Russian].

Ivanov 2006 – *Ivanov F.N.* Rekrutskaya povinnost' naseleniya Rossii v 1831-1874 godakh: na materialakh Evropeiskogo Severa: dis... kand. ist. nauk [Recruiting duty of the population of Russia in 1831–1874: based on materials of European North: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Syktyvkar, 2006 [in Russian].

Ivanova N.A., Zheltova V.P. 2010 – *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii [Society of classes of the Russian Empire]. М., 2010, 465 p. [in Russian].

Ivanova N.A., Zheltova V.P. 2010 – *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii [Society of classes of the Russian Empire]. М., 2010, 466 p. [in Russian].

Kormina Zh.V. 2000 – *Kormina Zh.V.* Rekrutskii obryad: struktura i semantika (na materialakh severa i severo-zapada Rossii XIX – XX vv.): dis. ... kand. kul'turolog. nauk [Recruitment ceremony: structure and semantics (on the materials of North and North-West of Russia of the XIX–XX centuries): thesis of candidate of culturology. М., 2000 [in Russian].

Kornilov V.A. 2003 – *Kornilov V.A.* Evolyutsiya voennoi sluzhby v Rossii XIX v.: ot rekrutskoi sistemy k vseobshchei voinskoi povinnosti [Evolution of military service in Russia of the XIX century: from recruitment system to universal military obligation]. *Prepodavanie istorii i obshchestvovedeniya v shkole* [The teaching of history and social science at school], 2003, no. 7, pp. 2–12 [in Russian].

Kofman 1986 – *Kofman A.F.* Argentinskoe tango i russkii meshchanskii romans [Argentine tango and Russian petty bourgeois romance song]. In: *Literatura v kontekste kul'tury* [Literature in a context of culture]. М., 1986, pp. 220–233 [in Russian].

Kratkaya literaturnaya entsiklopediya 1971 – *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Т. 6 [Concise literary encyclopaedia]. М., 1971 [in Russian].

Maslow 1999 – *Maslow A.G.* Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. СПб., 1999, p. 300 [in Russian].

Plamper 2018 – *Plamper Jan.* Istoriya emotsii [History of emotions]. М., 2018, p. 6 [in Russian].

Psikhologiya emotsii 1993 – *Psikhologiya emotsii: teksty*. 2-e izd. [Psychology of emotions: texts. 2nd edition]. М., 1993 [in Russian].

Repina 2009 – *Repina L.P.* «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya [«New historical science» and social history]. М.: Izdatel'stvo LKI, 2009, p. 41 [in Russian].

Rossiiskaya imperiya chuvstv 2010 – *Rossiiskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoi istorii emotsii* [Russian empire of feelings: approaches to the cultural history of emotions]. М., 2010, p. 31 [in Russian].

Rydzynsky 1958 – *Rydzynsky P.G.* Gorodskoe grazhdanstvo v doreformennoi Rossii [Town citizenship in pre-reformed Russia]. М., 1958, p. 44 [in Russian].

Chelovek v mire chuvstv 2000 – *Chelovek v mire chuvstv: ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala novogo vremeni* [Man in the world of feelings: writings on the history of private life in Europe and several countries of Asia before the beginning of modern history]. М., 2000 [in Russian].

Etkind 1998 – *Etkind A.* Khlyst [Whip]. М., 1998 [in Russian].

References

Analiticheskaya psikhologiya 1995 – *Analiticheskaya psikhologiya. Proshloe i nastoyashchee* [Analytical psychology. Past and present]. М., 1995, p. 251 [in Russian].